

Ж. А. Гаджиева

**ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНАХ
С. ЗЛОБИНА**

*Работа представлена кафедрой теории и истории русского языка
Дагестанского государственного педагогического университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Л. И. Шоцкая

В статье рассматриваются текстовая имплицитность, ее взаимодействие с эксплицитным проявлением информации, пресуппозиция при выражении качественно-количественной направ-

ленности информации; добавочная информация понимается как нечто новое, возникающее в ходе текстовой деятельности автора, что обусловлено совокупно выступающими языковыми и неязыковыми факторами.

The article considers the textual implicitness, its interaction with explicit manifestation of information and background knowledge in expressing qualitative and quantitative directivity of information. Additional information is understood as something new that appears in the course of textual activity of the author. It is conditioned by interlinguistic and extralinguistic factors.

Историческое произведение характеризуется взаимодействием эксплицитной и имплицитной информации. Маркированность информации обеспечивается большей частью за счет языковых единиц, не обладающих какими-либо коннотативными характеристиками: она является наиболее доступной, «лежащей» на поверхностном уровне восприятия и адекватно трактуется всеми читателями. Имплицитная информация соотносится с различной степенью понимания индивидуумом текста и выражается с помощью разнообразных лингвистических средств. Освоение текстовой имплицитности представляется сложной речемыслительной деятельностью индивидуума и связано с рядом проблем, одна из которых соотносится с амплификацией как увеличением содержательной стороны объема произведения при сохранении формально-структурной. Речь идет о декодировании смысла языковых единиц, рассматриваемых читателем в качестве имплицитных. Раскрытие сути информационной составляющей романа основывается на определении степени взаимодействия имплицитности и эксплицитности. Например: «Боярин Ордын-Нащокин ошибся, когда полагал, что польские сенаторы не поверят подсылной грамотке шведского посла де Родеса. Лстыивые, лживые речи шведского проходимца, который, по сговору с турками, сеял вражду между Россией и Польшей, соблазнили-таки панов: они стали упорнее в переговорах и, грозя, кричали русским послам, что если Москва не хочет мириться на их статьях, то они и совсем ничего не уступят, а будут отстаивать старые рубежи» («Степан Разин»). Данный фрагмент отличается весьма тесным взаимодействием отмеченных

понятий: здесь каждое последующее предложение либо часть предложения раскрывает имплицитно представленное содержание предыдущего высказывания, высветивая всякий раз скрытый вопрос «почему?» в разных смысловых вариантах.

Таким образом, коммуникативность, присутствующая в анализируемых произведениях С. Злобина, предусматривает своеобразный конфликт имплицитности и эксплицитности: с одной стороны, необходимо их единство, с другой – противопоставленность. Соотношение степени проявления сути данных понятий в исторических произведениях обусловлено выводимостью имплицитной информации из эксплицитной. Эксплицитность исходит только от языковых единиц, в то же время имплицитность может выражаться не только вербально, но и посредством невербальных средств, например многоточий: «Ты бойкий, сынок! Я оттоль, куды ты посылаешь, сведи меня к атаману... по тайному делу...» («Степан Разин»). Для исторического произведения данное положение является значимым, что обусловлено самой структурой и назначением таких текстов, представляющих исследовательский интерес в первую очередь как артефакт, источник множественных интерпретаций: эстетических, поведенческих, воспитательных, познавательных и т. д. Однако данная ситуация имеет особенность, которая детерминирована природой исторического произведения: передача минимального количества имплицитной информации.

В то же время рассматриваемые тексты являются художественными произведениями, что налагает определенный отпечаток на организацию содержательной стороны романов, т. е. фиксируется необходимость

выражения имплицитности при формировании информационной картины событий и фактов. Выведение имплицитной информации из романа трактуется читателем как резюмирующие смыслы, и степень удачности их раскрытия находится в зависимости от объема базовых знаний адресанта, т. е. пресуппозиция в широком смысле. Например: «Сын, сын! Отец, отец! – грубо передразнил Собакин. – Хочешь, владыко, знать, чье дело хлебные скупки? *Царское дело! Царь цену вздымает, а ты чего хошь? Мятеж на царя? Я тебе что – при народе про тайны указы, что ль, толковать буду!..* Знай свои *«отчи наши»* да тихо сиди, то, вишь, на нем *«перед богом ответ!»*.. Я и самовыражение найдусь отвечать, когда надо!» («Остров Буян») – речь идет о царских хлебозакупках и соответствующих распоряжениях; слова обращены к отцу Макарию. Итак, в результате раскрытия имплицитного содержания произведения формируется дополнительная информация, которая в большинстве случаев предусмотрена автором, хотя могут возникать и ситуации, когда читатель выявляет сведения, не заложенные писателем. Речь идет о положениях, при которых читательская проекция не совпадает с авторской в связи с особым мировидением адресата.

Пресуппозиция при выражении качественно-количественной направленности информации в рассматриваемых романах обеспечивает экономное рациональное использование механизмов коммуникации, способствует передаче значительного объема сведений при минимальной реализации языковых единиц. Добавочная информация, понимаемая как нечто новое, возникает в процессе текстовой деятельности автора, обусловленная рядом совокупно выступающих факторов интра- и экстралингвистического характера. Во-первых, пресуппозиция в исторических произведениях С. Злобина отражает трудности, связанные с адекватной, с одной стороны, общечеловеческой, ментальной, существующей на уровне легенд, с другой – научной,

документально подтвержденной, трактовкой отстраненных во времени фактов. Во-вторых, речь идет о необходимости художественного переосмысления описываемых событий, т. е. стремлении увидеть за именами, вошедшими в историю, живых людей, думающих, чувствующих. В-третьих, при создании художественных образов и передаче событий писатель должен придерживаться исторической достоверности (не искажать действительность). В-четвертых, существенную роль при решении писателем поставленных проблем играет определенная организация лингвистических средств, предусматривающая изучение языковых знаков, отражающих авторскую позицию и регулирующих читательское восприятие. Именно базовые знания детерминируют творческий поиск точных, конкретных языковых единиц, формирующих содержание текста. Таким образом, исторический роман представляется семиозисным выражением совокупного (информационного, инвариантного, рефлексивного) отражения действительности: «Голпа *бушевела*. От Рыбницкой площади устремился поток в Кром, к последним хлебным клетям Емельянова. Стрельцы, посадские и холопы, нищие и крестьяне, приехавшие на базар, дьячки, пушкари и подьячие, *тесно сплотившись в одно громадное тело*, кричали одним невнятным и яростным криком, *дышали одним дыханьем, повисшим, как туча, в морозном воздухе...*» («Остров Буян»).

Языковые средства, отражающие информационную суть пресуппозиции исторического романа, все же отличаются неустойчивым, изменчивым характером. Такое положение связано с выражением побудительных мотивов автора, включающего новую информацию в систему личных знаний и стремящегося посредством определенных приемов передать их читателю как коммуниканту, рассматриваемого при этом как человека сопереживающего: «*Как вдруг, нарушая наступившую тишину, из соседней улицы донеслись пронзительный визг и топот коней. На бешеной скачке, ро-*

няя с пылающих факелов искры, как ветер, примчалась на площадь полсотни черкесов во главе с князем Михайлой. Они летели, будто на крыльях, в распахнутых черных бурках. У каждого при седле, под коленом, мушкет, с другой стороны лук и за спиной стрелы, у пояса гнутая сабля, в руках были плети...» («Степан Разин»).

Исторические романы С. Злобина, будучи способом переосмысления писателем прошлого опыта, понимаются как освоение объективно-информационных истин посредством языка и выработка социального поведения современников, поэтому подобные произведения можно считать образчиком жизнедеятельности человека. Таким образом, очевидным является то обстоятельство, что воздействующая сила исторических текстов велика, а это, в свою очередь, налагает на автора большую ответственность за формирование адекватных читательских представлений. Пресуппозиция в подобном случае находится в состоянии взаимозависимости с информацией и лингвистическими средствами ее выражения, как в случае передачи информации через речевую деятельность персонажа: «Старая дура я! – громко воскликнула бабка. – Угадала ведь, Ваня, я, угадала, что он лазутчик, да сердце не повернулось. Мыслила так: Иванке скажу, и грех между братьями сотрясется. Горячая ты голова – погубил бы Первушку, а матке на том свете мука была бы какая! Опять же мыслила так: самой бежать в Земску избу? А что люди скажут?» («Остров Буян»).

Имплицитность возникает в тех структурно-семантических композитах, где содержание не выводимо из суммы их значений, а формируется за счет нахождения и раскрытия скрытых (транзитивных) связей между словами текста: ассоциативности, недосказанности, метафоричности образов и т. д.: «Кабак гудел народом, как в праздник: все говорили только о пытках Федора Емельянова. Говорили с радостью. Общее ликование и торжество охватило посадский Псков. Всем казалось, что кончено царство неправды и лихих поборов: вот-вот вслед за Федором и друг его, воевода, будет притянут к ответу...» («Остров Буян»). Вследствие подобного подхода к языковым знакам в сознании читателя возникают различные зрительные картины, отражающие происшедшие события. Здесь важна эвристическая позиция писателя как художника, адекватно сочетающего образность с реальностью в такой степени, чтобы читательская проекция соответствовала авторским интенциям.

Таким образом, имплицитная информация в исторических произведениях обусловлена писательскими намерениями, в то время как взаимодействие с эксплицитной рассматривается с позиций читательской проекции при активизации его фоновых знаний. В исторических романах в силу их стилистических особенностей регулируется степень выраженности имплицитности, которая существенно влияет на читательское восприятие на уровне общеоценочных представлений об описываемом.